

ОТ РЕДАКЦИИ

Первая рубрика этого номера составлена по результатам обсуждения докладов, представленных на круглом столе «Полемика и публичные дебаты позднего Средневековья и раннего Нового времени», состоявшегося 5 октября 2022 г. в Институте всеобщей истории РАН.

Диспуты и полемические кампании в их разнообразных формах (публичные диспуты в университетах, судебных трибуналах и т. п. и их имитация в полемических текстах, рукописных и печатных) были распространенной культурной практикой европейского Средневековья и раннего Нового времени, которая активно задействовалась в условиях конфликтов (политических и религиозных), ученых дискуссий и др. Дебаты и полемические тексты существовали на границе публичной и частной сфер, «ученой» и «вернакулярной» культур. Рациональность выстраиваемых доводов сочеталась в них с очевидной перформативностью, чему способствовало присутствие в полемических сочинениях или описаниях дебатов различных литературных жанров. Именно это смешение жанров и форм отражено в публикуемых исследованиях.

В статье **О. И. Тогоевой** анализируется трактат канцлера Парижского университета Жана Жерсона «Видение о “Романе о Розе”» (1402), написанный в разгар так называемого спора о «Романе о Розе». Автор задается вопросом, зачем Жерсону понадобилось перенести настоящие литературные дебаты, которые шли между сторонниками и противниками «Романа о Розе», в выдуманную реальность сна или видения, но при этом придать им характер судебных прений. **К. Ю. Ерусалимский** изучает формы полемики, развернувшейся в дипломатической переписке — посланиях, которыми в 1581 г., до начала военных действий, обменялись царь Иван Грозный и польский король Стефан Баторий. В статье показано, как в дипломатических документах через построение политических аргументов, исторических экскурсов, риторических фигур преломлялась полемические культуры Московской Руси и Речи Посполитой. **А. Ю. Серегина** рассматривает еще один гибрид жанров: описание «спора о вере» (1634), имевшего место в Англии, в доме Элизабет Кэри, леди Фолкленд, которое стало частью ее биографии, написанной дочерьми и представляющей собой повествование об «интеллектуальном обращении» в католичество при посредстве рациональных аргументов. Основной акцент сделан на поведении диспутантов и их эмоциях, что отражает представления полемистов XVII в. о роли эмоций в процессе религиозного обращения и познания истины. Статья **М. С. Неклюдовой** посвящена французской литературной полемике начала XVIII в., которую спровоцировала публикация в 1714 г. нового, сильно модернизированного перевода «Илиады». Главным предметом обсуждения была правомерность такого обращения с древним сочинением и, соответственно, оценка его действительной или мнимой значимости. М. С. Неклюдова анализирует один из риторических приемов этой полемики, когда творения Гомера приравниваются к картинам или скульптурам.

Вторая рубрика обращена к эмоциональной проблематике. Печаль и ностальгия справедливо считаются одним из конструктивных элементов мемуарных записок: обращаясь к собственному прошлому и превращая его в связанное повествование, мемуарист тем самым компенсирует сопряженное с этим

занятием чувство утраты. Однако меланхолия свойственна и биографическим текстам, прежде всего в силу естественного сопереживания, которое их авторы начинают испытывать к своим героям, по большей части давно оставившим этот мир. Не менее существенным источником печали является профессиональная фрустрация, когда, сталкиваясь с нехваткой и ненадежностью биографических документов, исследователь вынужден балансировать между фактами и домыслами.

В рубрике «(Авто)биографическая печаль: эмоции в личных нарративах и исследовательских практиках XVI–XXI вв.» представлены разные грани этого меланхолического переживания, служащего связующей нитью между автобиографическими текстами, биографическими повествованиями и собственно научными исследованиями. Первый блок посвящен автобиографическим текстам в широком понимании этого термина, то есть повествованиям, имеющим признаки эго-документа. Помимо традиционных видов личных свидетельств, к ним могут причислены такие риторически необычные способы рассказать о себе, какими является автоагиография, о которой пишет **М. Ю. Реутин**, или автобиблиография. Последняя, как показывает **М. Л. Сергеев**, может содержать не только сведения о книгах, но и значительную примесь авторских эмоций. И все же главным источником личной и эмоциональной информации остаются дневниковые тексты, позволяющие контекстуализировать индивидуальные переживания, спровоцировала ли их встреча с царем, как в случае Модеста Корфа (см. статью **С. М. Волошиной** «“Наедине я видел его раза три или четыре в жизни”: личная государственная печаль в дневниках М. А. Корфа (1839–1849 гг.)»), или знакомство с памятником, как в случае Тараса Шевченко (см. статью **Е. Э. Ляминой** и **Н. В. Самовер** «“Лучше бы мне не видеть монумент Крылова...”»: об одной записи в дневнике Шевченко 1858 г.)). Наконец, чтение чужого дневника не только создает эффект погружения в эпоху, но, как показывает исследование **А. В. Стоговой**, способствует читательской меланхолии, поскольку подразумевает неизбежное расставание с героем.

Во втором блоке речь идет об эмоциях, сопровождающих исследовательскую работу и влияющих на ее оптику. Порой от них напрямую зависит проблема идентификации героя или героини, способности распознать его или ее черты в портретах современников. Так, желание увидеть в изображении неизвестной дамы портрет госпожи де Сталь побуждает наблюдателей игнорировать явные несовпадения с подтвержденными описаниями ее внешности (см. статью **В. А. Мильчиной** «Она или не она: Жермена де Сталь и портрет Боровиковского»). А мало обоснованное предубеждение членов Блумсберийского кружка против леди Оттолайн Моррелл, много и активно им помогавшей, получает статус документального свидетельства, вместо того чтобы стать предметом исторического анализа (см. статью **О. Б. Вайнштейн** «“Why did she provoke so much hostility?”»: что огорчало Миранду Сеймур, когда она писала биографию леди Оттолайн Моррелл»). Причем в случае леди Моррелл проблема была частично связана с ее саморепрезентацией или, если угодно, позированием, как перед объективом фотокамеры, так и перед взглядом общества. Проблеме фотографической самопрезентации, но уже в наше время, посвящено исследование **К. О. Гусаровой**, которая разбирает советы по позированию, активно циркулирующие в массовой культуре. А в статье **О. М. Лебедевой**

реконструкция идентичности героини осуществляется при помощи анализа ее деятельности в качестве дизайнера одежды.

Наконец, третий блок составляют исследования эмоциональных сообществ, формирующихся в ситуации изгнания или добровольного отъезда. С одной стороны, **Г. С. Зеленина** представляет противоречивую гамму переживаний, свойственных русскоязычным переселенцам в Израиль. С другой — **Е. А. Ключкова** демонстрирует, как, используя полуполюгендарную склонность к меланхолии, американская корейская диаспора пыталась на ее основе реконструировать свою национальную идентичность.

В разделе «Краткие сообщения» публикуется заметка **В. А. Коршункова**, посвященная индивидуальной религиозности В. Г. Короленко. Автор сосредотачивается на эпизоде, описанном в дневнике писателя (перепутавшего летний пост православного церковного календаря с зимним); отталкиваясь от суждения Льва Толстого о Короленко, задается вопросом, веровал ли последний в Бога, и отвечает на него скорее положительно.